

Иви Тару

ЧУМА

Иви Тару

Чума

«Автор»

2016

Тару И.

Чума / И. Тару — «Автор», 2016

Когда-то Ленка Чумакова, нескладный хилый подросток, стала подающей надежды спортсменкой. А после, волею судьбы, женой нелюбимого человека. Но характер, закаленный спортом, не позволил ей превратиться в покорную домохозяйку. И вот она уже не просто помогает своему мужу управляться с делами, но и активно участвует во всех его проектах. Все меняется, когда она встречает мужчину, готового дать ей то, чего у нее никогда не было - любовь. Но за все в этой жизни нужно платить. Она заплатила высокую цену, слишком высокую, чтобы надеяться на новую жизнь. Но любовь не умирает просто так, она ждет своего часа, чтобы заявить свое право. Право на жизнь. Для оформления обложки использованы фотографии с ресурса pixabay по лицензии ССО

© Тару И., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иви Тару

Чума

Глава 1.

– Эй, Чума! Очнись. Хватит мечтать. Пляши. Письмо тебе. От кавалера... – пожилая зечка, помахивая конвертом, подошла к койке. Та, к которой она обращалась, молча смотрела в потолок застывшим взглядом, потом, словно уловив движение, выпростала руку из-под головы. Опасливо подойдя ближе, письмоносица вложила в эту руку конверт. – Читать-то будешь? – поинтересовалась, видя, как конверт ушел под подушку. Не дождавшись ответа, пожалала плечом и, хмыкнув: – Вот Чума! – отошла прочь.

Женская колония усиленного режима продолжала жить своей жизнью. Заключенная с говорящей кличкой Чума уже десять месяцев отбывала свой немалый срок. И было ей двадцать восемь, а когда срок закончится, будет уже за сорок, хорошо за сорок. Но она не думала об этом, да и думала ли, вообще, хоть о чем-нибудь никто не знал. Но одно знали все – Чуму лучше не трогать.

Рыжая Марго, крупная, статная деваха тридцати с небольшим, впервые увидев новенькую, заявила: «Моя», – и попыталась дотронуться до груди, отрешенно сидящей на койке коротко, почти наголо остриженной девушки. Никто так и не понял, что случилось, но Марго отлетела на пол, хватая воздух ртом, а стриженная так и осталась сидеть, даже глаз не подняла. К Маргоше подлетела одна из ее прихлебательниц и, помогая подняться, стала что-то горячо шептать на ухо. Марго сначала отмахнулась и двинулась к новенькой с намерением поквитаться, но потом прислушалась к шепоту товарки и, удивлено вскинув брови, позволила увести себя в свой угол.

Весь барак шептался до вечера: «Арчеладзе... при отягчающих... пять жмуриков...» Ночью был шум и грохот. Прибежали надзиратели. На полу корчилось трое зечек. На вопрос: «Кто?», – конечно не ответили. Подняли с коек всех. Начальница смены прошла вдоль шеренги сонных женщин, внимательно оглядела целые костяшки рук у новенькой и сказала только: «Смотри, Чумакова...» Больше к ней никто не приставал.

Только где-то через месяц Чумакова внезапно подошла к рыжей Марго и, ни слова не говоря, вlepила ей по физиономии. Марго взвыла и вцепилась обидчице в лицо – началась драка. Прибежали еще зечки, и драка переросла в избиение. Опомнились обезумевшие теткы, только когда увидели, что Чумакова перестала шевелиться.

В лазарете она пролежала долго. На грани жизни и смерти. От сильных ударов в живот у нее случился выкидыш. Потом, уже в бараке, к ней подошла одна из женщин: «Так бы и сказала, что хочешь от ребенка избавиться. А так мы грех на душу взяли... Эх ты... Чума...» Так и приклеилась к ней это прозвище.

Ее историю обсуждала вся зона. Но поговорили, поговорили и решили раз и навсегда, что с ней лучше не связываться: коли уж мужа, широко известного в весьма узких кругах, и еще четверых столь же серьезных мужиков грохнула не дрогнувшей рукой. Разговаривала она мало. Передач ей никто не слал. Ни с кем она не сдружилась. Дисциплину не нарушала. Существовала, одним словом.

Через полгода Чума внезапно проявила интерес к молодой девице, недавно переведенной из другого барака, Светке-Малявке. К той давно приглядывалась Марго и все норовила пощу-

пать. Малявка слабо повизгивала и отбивалась. Но все видели, что это до поры до времени, просто у Марго еще аппетит не разгулялся. Как-то Чума шла с обеда и наткнулась на Малявку, рыдавшую за штабелями каких-то досок. Что дрогнуло в душе Чумы, сказать трудно, но она остановилась и долго смотрела на судорожно всхлипывавшую девчонку.

Малявка почувствовала чей-то взгляд, обернулась, увидела Чуму и, жутко перепугавшись, съехала на землю. «Ты чего?» – прошептала она. Ничего Чума не ответила, развернулась и пошла дальше. Но вечером, когда Марго подседа к Малявке на койку и запустила руку той за ворот рубахи, рядом, как приведение возникла Чума.

– Сгинь, – бросила негромко.

Марго вскочила, как ужаленная, секунду они стояли, сверля друг друга взглядами, потом Марго усмехнулась и отвалила, бросив:

– Ну-ну, сладенького захотелось...

А Чума развернулась и пошла к своей койке.

Малявка до отбоя просидела в своем углу, испуганно тараща глаза. Ночью к ее койке подвалила Марго, но тут со стороны донеслось негромкое:

– Сгинь.– И она с ворчанием убралась восвояси.

С этого дня Малявка ходила за Чумой, как приклеенная, а та, казалось, даже не замечала ее присутствия. Малявке часто приходили передачи, но теперь уж никто не решался покопаться в ее посылке и отобрать себе лучшие кусочки. А Малявка приносила все Чуме и, заглядывая в глаза, предлагала, что-нибудь вкусненькое. И не обижалась, когда обычно слышала в ответ:

– Отвали.

Так было пока, однажды, Светка не положила на койку плитку шоколада:

– Возьми, ну, пожалуйста. Вкусно ведь.

Чума скосила глаза, и рука ее потянулась к яркой обертке. Сладкая плитка таяла во рту, Чума медленно глотала густую слюну, а по щеке вдруг скатилась слеза. Светка ойкнула и убралась к себе, но потом долго торговалась с соседкой Чумы по койке, отдав ей практически все свое нехитрое добро, но все ж таки сторговалась.

Перед отбоем Чума обнаружила на койке еще одну плитку шоколада. Повернув голову, она хмуро уставилась на новую соседку. Светка застенчиво улыбнулась.

– Ты за что здесь? – спросила вдруг Чума.

– Я парня своего прирезала, – прошептала она. Чума кивнула и отвернулась. – Он теперь инвалид, – продолжала Светка, – так ему и надо, гаду, не будет на сторону бегать.

В темноте раздалось шуршание – Чума ела шоколад. Ела и плакала, беззвучно глотая слезы.

Где та девочка, беззаботная Ленка Чумакова, юная спортсменка, чемпионка, красавица? Та девочка исчезла и даже не в момент вынесения приговора суда, и даже не в момент, когда рука жала на спусковой крючок пистолета, всаживая пули в ненавистное тело. Наверное, это случилось гораздо раньше, когда впервые она пошла наперекор себе, отказавшись от своей мечты. Когда долго плакала, разглядывая синяки на теле, после первой брачной ночи. И думала, как скажет матери, что хочет развода.

Мама всегда была на его стороне. «Какой ни есть, а он твой муж. Молчи и терпи». Про синяки Ленка не решилась сказать, ей было стыдно. Она с мамой и раньше-то никогда не говорила про женские дела, отмахивалась та от любых расспросов: «Рано тебе еще про это думать». Даже про месячные ей рассказывали подружки, у которых уже все произошло. Отца Ленка не знала, куда он делся и был ли вообще, неизвестно. Нет, наверняка был, как-то ведь она и

брат ее на свет появились. Но и эту тему мать тоже никогда не обсуждала – каменела лицом и отворачивалась при любой попытке, хоть что-то узнать.

Ленка хилая была с детства, болела постоянно ангинами, да простудами, пока мать, вняв уговорам соседки, не записала ее в бассейн. И началась с этого дня у Лены Чумаковой новая жизнь. Тренер нарадоваться не мог на новенькую: плавать та могла часами, не жаловалась ни на усталость, ни на холодную воду, ни на критические дни. В школе тоже отметили изменения: учиться стала лучше, даже в пример ее ставили: вот, мол, и спортом занимается и домашние задания всегда выполняет – чудо, а не ребенок. И никто не знал, какие мысли таятся в этой русской головке.

Первые выигранные соревнования дали ее душе такой восторг, такое упоение победой, что ей казалось, еще чуть-чуть, и она взлетит от счастья – счастья быть первой, быть лучше, быстрее, выносливее. Никто не догадывался об этих честолюбивых планах, кроме, может быть, тренера, который видел блеск серых глаз, нажимая кнопку секундомера и сообщая результат, с каждым разом все лучше и лучше.

Понятно, при таком образе жизни – школа, бассейн, соревнования и снова школа, на что-то иное, на свидания, например, времени совсем не оставалось. Ни времени, ни сил, ни желания.

– Эй, – послышался шепот с соседней койки. Чума скосила глаза. – Ты, если хочешь... то я могу... – Светка откинула одеяло.

Чума перестала жевать и нахмурилась, потом, видно, до нее дошло, и барак огласил хриплый смех. Никто до этого не видел, чтобы Чума хотя бы улыбнулась, а уж смеха и подавно не слышал. Светка испуганно спряталась под одеяло, а скрипучий клекот все раздавался в темноте. Как не похож был этот смех на звонкий смех Ленки Чумаковой, юной пловчихи, недавно выигравшей межрайонные соревнования и которой тренер прочил блестящее спортивное будущее.

Глава 2

Было ей семнадцать, она только что окончила школу и сдала вступительные экзамены на экономический факультет местного института. Сдала легко и без всякого блага. А сейчас они всей спортивной командой находились на сборах. И так было весело ей в это лето, так казалось, что мир и все что в нем только для нее, что хотелось петь и прыгать от счастья. Она и пела, и прыгала, и девчонки пели и прыгали вместе с ней. Сидели они на берегу широкой полноводной реки, в купальниках, подставляя свои упругие развитые годами плавания тела нежному вечернему солнышку. Как вдруг на пляже появилась компания молодых загорелых парней.

– Девчонки, знакомиться будем?

Засмеялись девчонки, захихикали.

– С нами не интересно знакомиться, мальчики – мы не пьем, не курим...

– Да мы видим, что вы из спортлагеря. Мы тоже. Сегодня приехали.

– Откуда?

– Из Краснодара. Самбо.

– Ого!

– Тебя как зовут? – подсел к Ленке смуглый коротко стриженный парень. – Я Гоги.

– Гоги? – она прыснула от смеха. – Ой, умора! Ты не русский, что ли?

– Я абхазец, – парень гордо выпятил грудь. – Пойдем вечером сходим куда-нибудь? В кафе посидим...

– Уж больно ты шустрый, Гоги, – засмеялась Ленка. – Догонишь меня – пойду с тобой в кафе. Давай! – Она поднялась и побежала к воде.

Прогретая за день вода приятно освежила разгоряченное тело и Ленка вошла в воду легко, как торпеда и плавно заскользила по водной глади. Пара взмахов и вот она уже пересекла границу буйков и понеслась дальше. Где-то на середине реки она остановилась и легла на спину, позволяя течению плавно нести ее вдоль берега. Недалеко послышалось сопение, она посмотрела и увидела бедолагу Гоги, который судорожно греб по направлению к ней.

– Эй, ты что, даже плавать толком не умеешь, гребешь по-собачьи? Умора... Плыви давай на берег...

Но Гоги, задрав голову кверху, явно не собирался сдаваться. Ленка хмыкнула и поплыла дальше. Иногда она оглядывалась и громко хихикала, видя своего незадачливого кавалера. Пока, обернувшись в очередной раз, не увидела за собой никого. Она рванула туда, где еще расходились круги на воде и, глотнув воздуха, устремила в темную глубину. Ей повезло – почти сразу она наткнулась на его руку, схватила и потащила за собой к свету. К берегу они плыли долго – мешало течение. Ей пришлось плыть на спине и буксировать за собой Гоги, обхватив его за шею согнутой рукой: все, как учили. Когда они добрались до берега, Гоги почти пришел в себя. Он выполз из воды и распластался на берегу.

– Вы что там делали? – засмеялись девчонки. – Обнимались никак?

– Целовались, – выдохнула она и тоже растянулась на песке. Сил почти не было.

Она не стала говорить, что произошло, а компания на берегу так была занята друг другом, что даже ничего не заметила.

– В кафе пойдем? – услышала она голос над собой. Гоги уже оклемался.

– Плавать научись, придурок, – зло бросила она и начала собирать вещи.

Утром на своей койке она обнаружила огромный букет белых роз. Девчонки ахнули, а Ленка только плечами пожала. Розы продолжали появляться каждый день. Девчонки завидо-

вали, а Ленка, казалось, не обращала никакого внимания. Общалась она с Гоги, так же как и со всеми, но от свиданий категорически отказывалась.

– Слушай, я тебе что, совсем не нравлюсь? – спросил он как-то.

– Нравишься, Гоги, нравишься, так же как и все, – ответила она.

– Я не хочу, как все, – вскинулся Гоги.

– Уймись, горный орел, – отмахнулась от него Ленка.

– Ты совсем меня не любишь, – обиделся Гоги. Ленка звонко расхохоталась. – Но вот посмотришь, я женюсь на тебе...

– Ой, умора! Жених тоже нашелся... У тебя там, небось, таких невест полдеревни...

– Я в городе живу, не в деревне. И нет у меня невест. Ты – моя невеста... – С чувством юмора у Гоги было все в порядке. Ленка отмахнулась и побежала по своим делам.

Лето прошло быстро. Гоги следовал за ней неизменной тенью. Она даже сходила с ним в кафе и не в кафе даже, а ресторан. Гоги шиканул – заказал самое дорогое. Ей, в общем-то, было все равно. Воспринимала она его как друга, не как кавалера. Хотя девчонки намекали: «Смотри, Ленка, какой жених завидный. А денег у него столько откуда? Каждый день по такому букетищу дарить? А фигура? Такой как обнимет...» Вот как раз с объятиями все было плохо. После ресторана Гоги вроде как попытался ее приобнять, но получил пинок в голень.

– Ты бьешь неправильно, – потер он ушибленную ногу.

– Правильно, не правильно – а как дам – мало не покажется, – Ленка погрозила ему кулаком.

– Для мужа себя, что ли, бережешь? – усмехнулся Гоги.

– Для спорта. Некогда мне глупостями заниматься.

– Так ты ни разу, что ли, еще не... – Гоги замялся.

– Иди ты со своими вопросами, знаешь куда? – Она почему-то разозлилась и быстро зашагала к своему корпусу, – И не ходи за мной больше! Надоело!

Но он продолжал ходить, и она смирилась, как с неизбежным. Потом было прощание. Букет белых роз. Махание в окошко поезда. Ленка вернулась домой, к маме, институту, тренировкам, соревнованиям.

Чума дожевала последний кусочек и скомкала обертку. Перед глазами всплыло лицо тренера, в тот момент, когда она сказала, что выходит замуж и переезжает в другой город. «Предательница», – было написано на нем. Чума вздохнула: предательница и есть. Под подушкой что-то шуркнуло. Письмо. Опять эти письма.

Первое появилось недели три назад и с тех пор регулярно, раз в три дня, письмоносица приносила ей белые конвертики. Переписывались зечки с такими же бедолагами из мужской колонии. Некоторые даже замуж по переписке выходили. Но она-то никому не писала, и писать не собирается, и письма не читала. Прочитала самое первое – бред какой-то. Некий зек извъявлял желание переписываться с ней. Она даже дочитывать не стала, порвала и бросила. А письма продолжали приходить.

Вот Гоги ей писем не слал. Да она и не ждала. Не было у нее времени на такую ерунду. Все свободное время отнимали тренировки. А по ночам она писала конспекты и рефераты. И все у нее получалось. Беда пришла неожиданно – insult у матери. Пока она лежала в больнице, Ленка судорожно пыталась решить проблему, что делать? На одну стипендию не проживешь – брат еще маленький, маме уход нужен, лекарства. Тут и раздался телефонный звонок.

– Это я, Гоги. Не забыла меня?

– Гоги! – она обрадовалась и почему-то рассказала ему все. Ей очень хотелось с кем-то поделиться, с кем-то кто не будет сочувственно ахать и охать, делая вид, что ему не все равно.

Ему не было все равно. Он не охал и не ахал. Он сказал:

– Понятно, – и приехал на следующий день. Прилетел самолетом.

Они сходили в больницу к матери. Гоги пошел в кабинет главврача, и мать перевели в отдельную палату, приставили медсестру и собрали консилиум.

Перед отъездом он положил на стол пачку денег.

– Не вздумай бросать институт. Я уже всем сказал, что у меня жена с высшим образованием.

Гоги уже летел домой, на столе стоял букет белых роз, а Ленка плакала, сама не понимая отчего.

Свадьбу сыграли следующим летом. Гоги снял ресторан при самой шикарной гостинице города и там же номер для новобрачных. Народу было много: Ленкины подружки из института, из спортивной команды, родственники, соседи, а уж про Гогиных гостей и говорить нечего. Тренер на свадьбу не пришел. Ленка расстроилась, но ничего поделать было уже нельзя – так ей казалось.

Мама тогда быстро пошла на поправку – за ней ухаживали, как за королевой. Ее выпи-сали, и вскоре она даже смогла устроиться на работу в почтовое отделение, с бумажками возиться. Но без Гогиной помощи все равно пришлось бы Ленке бросать институт. Но деньги от него приходили регулярно, и раз в неделю он звонил, интересовался как дела у мамы. Та в нем души не чаяла, а Ленке все происходящее казалось каким-то сном. Нереальностью. И вот нереальность сбылась: она, в пене белоснежных кружев, тихо ответила: «Да».

Потом был номер в гостинице, заваленный цветами. Неловкое молчание. А потом... Нет, Гоги не был садистом, но силы своей не сознавал. Когда он просто брал ее за руку, на руке появлялся синяк, а уж в пылу страсти... Ему нравилось тискать ее в своих лапищах, мять... То, что потом по всему телу разливались огромные синие отметины, его забавляло. «У тебя нежная кожа. Вы, женщины, любите, силу».

Ленка терпела, сколько могла, потом, в одну из ночей, попыталась его ударить. Гоги удивился. Тогда она ударила его еще раз, в ответ он сжал ее так, что хрустнули кости. Они катались по ковру, рыча, как два диких зверя, и тогда она впервые испытала некое подобие оргазма и удивилась этому до глубины души. Вот значит, что имели в виду подружки, когда пытались рассказывать про секс. Это открытие боле менее примирило ее с ночами, но вот дни протекали ужасно однообразно.

Пока она училась в институте, это было еще терпимо. В Краснодаре нашелся институт похожего профиля, и она перевелась туда. Днем она сидела на лекциях, вечером занималась домашним хозяйством в их двухкомнатной квартире. Квартиру подарили Гогины родственники на свадьбу. Поначалу ей нравилось заниматься обстановкой, выбирать в магазинах занавесочки, скатерти, полотенца. Но потом... Ей не хватало активных действий, она скучала по тренировкам. Но о спорте не могло быть и речи – Гоги выразился определенно. Его часто не было дома, он-то в тренировках себе не отказывал. Иногда ей хотелось выть от бессилия. Плюнуть и уехать. Домой, к маме... И тут же она представляла себе мамины глаза. «А как же мы, доченька? Сережке учиться надо, ему бы в институт поступить. Без Гогочки мы пропадем...» Мама называла его Гогочкой. Ему нравилось. А она начинала его тихо ненавидеть.

Как-то подруга из института пригласила на день рождения.

– Или со мной или никак, – заявил Гоги.

– Ну, вот еще, – фыркнула она, – тебя не приглашали, у нас девичник.

– Знаю я ваши девичники...

Когда она поняла, что он не шутит, она пришла в ярость.

– Пусти! – вопила она, пытаясь прорваться к двери.

Завязалась настоящая драка. Силы, конечно, были не равны, но она была ловчее и увертливее. Через какое-то время на физиономии у Гоги красовались ярко-красные полосы – следы когтей. Дело кончилось вывихнутой рукой (у нее, конечно) и долгим разговором на кухне.

В итоге Гоги согласился с тем, что так дальше продолжаться не может. И на следующий день она сидела в спортзале, наблюдая, как крепкие парни в белых кимоно валяют друг друга на татами: Гоги теперь не только самбо занимался, но и другими видами восточных единоборств. «Хотя боевое самбо – самый страшный вид», – ухмылялся он, вытирая разбитую губу или нос. Ленка смотрела на него и счастливо улыбалась, вдыхая острый запах пота. Крови и пота она не боялась.

В экономике страны происходили разные события – рубль то падал, то поднимался, снова падал, но на их семье это никак не отражалось: Гоги еженедельно выдавал ей сумму на расходы и не просил экономить. По выходным они ехали на рынок и забивали багажник пакетами с едой. Про то, что в стране какой-то очередной кризис Ленка узнала случайно, от соседки, а когда с удивлением спросила об этом мужа, он отмахнулся – ерунда, не бери в голову, дорогая. Где Гоги берет деньги, она понятия не имела, а от вопросов он отшучивался.

Потихоньку она приноровилась к буйному нраву супруга: то чего от Гоги нельзя было добиться никакими уговорами, легко разрешалось в драке. После бурного выяснения отношений, он зализывал ей синяки, она ему, и более менее приемлемое решение как-то находилось. Не сразу, но все же Гоги разрешил ей участвовать в тренировках. И она начала делать успехи.

Когда она первый раз победила в спарринге здорового парня, Гоги ухмыльнулся и заявил:

– Поддался.

– Ты же все видел, – возразил тренер.

Глава 3

– Куда ты все время уезжаешь? – спросила она как-то мужа. – Только не ври про командировки.

И ему пришлось взять ее с собой. Все оказалось просто: Гоги участвовал в подпольных боях без правил.

Она и раньше догадывалась, чем занимается муж, но сейчас увидела все воочию. И ей понравилось. Здесь легко зарабатывались и не менее легко проигрывались бешеные деньги. Кого здесь только не было: бизнесмены с женами, госчиновники, мафиози всех мастей и прочий люд, желающий быстрого обогащения и острых ощущений. Ленка довольно быстро вписалась в эту пеструю компанию, въехала в тонкости дела и начала управляться с делами мужа не хуже заправского менеджера.

Разными путями она ухитрялась вызнать все о предполагаемом сопернике, его сильные и слабые стороны: не раз ее своевременная информация приносила половину победы. «Твоей жене цены нет», – заявлял тренер. Гоги улыбался и самодовольно клал руку ей на плечо.

Узнав, что она никогда не была на море, Гоги повез ее в Сочи. Стоя на берегу возле самой кромки набегающих с тихим шуршанием волн, Ленка чуть не заплакала от восторга.

– Хочу здесь жить, – заявила она вечером, лежа на широкой кровати номера люкс.

– Прямо здесь? – засмеялся Гоги.

– Хочу дом на берегу моря, – серьезно сказала она. – Как ты думаешь, сколько это может стоить? – Гоги пожал плечами и закатил глаза. – Сколько ты получаешь за бой? А сколько получает Нодар? То-то.

– Нодар – хозяин. Это его бизнес.

– А кто мешает тебе, нам, организовать свой бизнес? Ты же мастер спорта! Мог бы и свою школу открыть.

– Чтоб ты понимала, женщина... – ухмыльнулся Гоги и разговор прекратил.

Но слово сказанное запало. Гоги, не без помощи все того же Нодара, пробил все бюрократические препоны и открыл школу восточных единоборств: арендовал зал, набрал учеников и дело пошло. Через несколько лет Гоги на руках перенес ее через порог нового дома.

От дома ее мечты до морского берега было ровно десять минут ходьбы по горной тропинке, его окружал сад с цветущими розами, по утрам их запах будил ее на широкой кровати с белоснежными простынями. Она выходила в сад в кружевном пеньюаре и звонко кричала: «Доброе утро всем!» На завтрак она пила горячий шоколад. У Ленки оказалось две страсти – шоколад и красивое кружевное белье. Почему, откуда, она не задумывалась. Может, этого ей не хватало в прежней жизни? Так же как не хватает сейчас.

Чума повернулась на койке, продолжая сжимать в руках шоколадную обертку. Первый шоколад за десять, нет одиннадцать месяцев. До этого она не замечала, что никто не присылал ей посылки, хотя могли бы, мало она для них сделала? Брат окончил школу, и Гоги помог ему поступить в институт. Сам бы он не поступил ни за что: не было в нем Ленкиного упорства. И пока он учился, Ленка посылала ему деньги, ему и маме. Мама... Да нет, все правильно: она сама от них отказалась. Адвокат предлагал устроить ей свидание. Она сказала категоричное «нет». Сказала, если кто из них приедет на суд, она откажется от показаний. Еще на предварительном следствии из дома пришло письмо – порвала его не читая. Адвокату не хотелось осложнений в деле, поэтому на суд никто и не приехал, а может, и не собирался.

Нет, она не винила мать ни в чем, скорее себя, но и видеть ее не хотела. Жизнь ее кончилась там, в горной избушке, и возврата не было, поэтому и прошлое и все что с ним связано, не имело никакого значения. Сначала она хотела умереть, но жизнь упорно не отпускала ее, и она смирилась. Хорошо, что у нее нет детей, иногда думала она. Мать часто горевала по этому поводу. Но Ленка не задумывалась, почему она не беременеет. Как-то даже была у врача, тот осмотрел ее и сказал, что все в порядке. «Может, дело в муже?», – высказала предположение гинеколог. Ленка пожала плечами, но Гоги говорить ничего не стала. Тот на детях не настаивал.

Вообще, во всем, что касалось каких-то интимных вопросов, она проявляла странную неосведомленность. Неудивительно, что когда тюремный врач поставил ей срок двадцать недель, она изумилась совершенно искренне. «Ты что, милая, – в свою очередь удивилась пожилая врачиха, – радуйся, беременным на зоне лучше живется. Аборт? Какой тебе аборт на таком сроке? Иди, давай, имя придумывай» Тогда-то она и нарвалась на драку с Рыжей. В то время ей еще очень сильно хотелось умереть, чтобы не видеть, не вспоминать то, что произошло той ночью. Но она выжила, и по ночам ей все так же снился домик в садоводстве и потные мужские тела над ней. С криком она просыпалась и больше уже не спала, боясь повторения кошмара. В эту ночь она впервые спала спокойно, зажав в руке комочек шоколадной обертки.

– А что здесь? – спросила как-то Светка, указывая на очередное письмо.

– Выбрось, – велела Чума.

– А можно я прочитаю? – Светка закусил губу и посмотрела просительно. Чума пожала плечами и пошла в уборную. А Светка уселась на койке и принялась вскрывать белый прямоугольник.

– Слушай, Чумочка, он такие вещи пишет... Отпад. Слушай, я зачитаю... – Чума выхватила бумажку у Малявки из рук и разодрала на мелкие кусочки. – Ну что ты, Чумочка, прикольно же... – Светка обиженно скуксилась, но тут же повеселела и принялась болтать дальше: – Говорят, концерт у нас будет в выходные, артисты приедут...

Чума вроде слушала, а вроде и нет, пустую болтовню девчонки и вдруг поймала себя на мысли, что улыбается. «Как она меня назвала? Чумочкой? Прикольно... Была Чума, теперь вот – Чумочка. А Андрей называл русалкой, наядой...»

... Жизнь в новом доме походила на сказку. Гоги почти весь день пропадал то в Сочи, то ездил в соседнюю Абхазию – налаживал бизнес на новом месте. Иногда брал ее с собой. Иногда она оставалась дома и весь день валялась на пляже. Маленький пляжик весь был окружен скалами, и вела к нему одна единственная тропинка от их дома. «Чужие здесь не ходят», – смеялся Гоги.

Тело ее покрылось золотистым загаром, русые волосы выгорели и отросли. Теперь, когда она не тренировалась ежедневно, их длина уже не мешала. Она подолгу плавала, заплывая так, что берег превращался в узкую полоску. Далеко в море уходила каменная гряда огромных валунов, ограждая берег от постороннего вторжения. Возвращаясь к берегу, она всегда отдыхала на скользких камнях.

– Не боишься, так далеко заплывать? – услышала она, как-то, сидя как обычно на камне. Услышала и от неожиданности чуть в воду не свалилась. – Да не бойся, ты. Я не кусаюсь, – раздался смех.

– Я не боюсь, – возразила она, с любопытством разглядывая незнакомца. Мокрые волосы волнистыми прядями прилипли ко лбу, голубые глаза щурились от яркого солнца. Парень подтянулся на руках и уселся на камень рядом с ней.

– Я видел, как ты там кувыркалась, – он кивнул в сторону горизонта, – как русалка. Я сначала так и подумал.

– Что подумал?

– Что русалка. Говорят же, что они существуют.

Ленка рассмеялась. Звонко, звонко. Парень тоже смеялся. Как-то быстро они познакомились и долго сидели на камнях, разговаривая обо всем на свете. Андрей учился в Москве, в аспирантуре, на математика. Приехал на каникулы домой.

– А ты где живешь? – спросил он. Ленка кивнула вверх на белую крышу дома, виднеющуюся над кронами кипарисов. – Красиво, – кивнул Андрей. – Ты всегда здесь купаешься?

– Всегда, – кивнула она. – Мне пора. Пока. – Соскользнула с камня и поплыла к берегу.

На следующий день она опять поплыла в море, вспомнила своего вчерашнего знакомого, и ей почему-то захотелось, чтобы сейчас он плыл рядом с ней. И тут увидела его. Андрей издала помахал ей рукой, пара сильных взмахов и вот он рядом.

– Привет.

– Привет.

В молчании они поплыли дальше, все дальше и дальше.

– Как возвращаться будем? – спросил он, когда берег почти скрылся из глаз.

– Боишься? – усмехнулась она.

– Не за себя. Я вырос на море. Даже спать на воде могу. Мне трудно утонуть.

– А я КМС по плаванию, – не удержалась она.

– Я же говорил, что русалки существуют. Может мне диссертацию на эту тему написать? Хочешь быть темой моей диссертации?

Она только улыбнулась и легла на спину – отдохнуть.

– Я спросил у мамы, кто живет в белом доме на горе. Она сказала – мафиози со своей женой.

Ленка от неожиданности резко дернулась и хлебнула соленой морской воды.

– А не боишься плавать с женой мафиози? – бросила она, отплевавшись. Повернулась и пошла быстрым кролем.

Добравшись до камней, стала карабкаться по скользкой поверхности. Сильная мужская рука подхватила ее и втянула вверх.

– А я уже здесь, – улыбнулся Андрей. – Ты не обижайся. Это мама так сказала. А для мамы, как и для многих, те, кто умеет деньги зарабатывать, все мафиози.

– Права твоя мама, – Ленка скрутила волосы в жгут и отжала воду, – муж мой – мафиози, а я его жена...

– Нет мне никакого дела до твоего мужа, – Андрей протянул руку и убрал с ее лица мокрые прядки.

– А мне есть, – вскинула она голову и посмотрела ему в глаза.

– А мне нет, – улыбнулся он и поцеловал ее в губы.

– Вот дурак, – прошептала она и пулей слетела в воду. Он что-то крикнул ей вслед, но она не расслышала, мчась к берегу с быстротой торпеды.

До вечера она не находила себе места. «Дурак, какой», – повторяла она про себя, трогая рукой губы, где все еще горел поцелуй. Потом не выдержала, схватила полотенце и выбежала из дома. «Я просто искупаюсь, – говорила она себе, – все равно Гоги нет дома».

– Я уж думал, ты не придешь, – сказал Андрей, помогая ей забраться на камни.

– А ты ждал?

– Конечно. Я же сказал, что буду ждать.

Ленка помотала головой. Она не слышала. Если бы слышала, наверное, не приплыла бы сюда – испугалась.

– Чего ты боишься? – обнял ее Андрей. – Мужа?

– Тебя, – прижалась она к его плечу, – и себя тоже.

– Не бойся, – шепнул он ей на ухо, – все будет хорошо. – Его губы мягко скользнули по коже. Она вздохнула и обвила его шею руками.

Глава 4

Подплывая к берегу, уже в темноте, она заметила огонек чьей-то сигареты. Хотя она знала чьей. Гамлет. Это он варил шоколад по утрам. Он ухаживал за розами в саду. Такой незаменимый помощник. Она не знала, сколько ему лет и поначалу даже его боялась. Но Гоги смеялся над ее страхами. «Он безобидный, а немой с детства, хотя раньше говорил». Приходился он Гоги каким-то дальним родственником. Впрочем, родственников у Гоги было не счесть. Так что Ленка уже не удивлялась частым приездам многочисленной родни и относилась к этому с известной долей юмора. Гамлет сидел на корточках, рядом с ее полотенцем и неодобрительно покачал головой, показывая ей часы на своей руке.

– Да ладно, Гамлет, – весело махнула она рукой, – что со мной может случиться. Что, Гоги приехал? – Гамлет закивал головой. – Тогда пошли, – она надела сарафан и побежала по тропинке к дому. Сзади ковылял Гамлет.

– Смотри, что я привез! – Гоги протянул ей маленькую коробочку.

– Красиво, – она чмокнула его в щеку и побежала переодеваться.

Гоги часто дарил ей драгоценности. Она их, правда, не носила. Вернее, носила, но очень редко. Вот у Нодара был юбилей, она и обвешалась вся с ног до головы. Чувствовала себя новогодней елкой, а всем понравилось. Аллочка, жена Нодара, глаз не могла оторвать от коле на шее, прямо слюной изошла. А Гоги так, вообще, чуть не лопнул от гордости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.